

традиция», а современные американские авторы (которых, судя по всему, в терминологии автора следует относить к «американскому подходу»), в свою очередь, охотно опираются на Ф. Йейтс (в отличие от своих коллег из континентальной части Европы, где работы Йейтс многими считаются «устаревшими»). Подобные случаи позволяют говорить о том, что англоязычные страны имеет смысл рассматривать как некое относительно единое интеллектуальное пространство в противоположность континентальной Европе, где, действительно, академическое сообщество отличается своими весьма характерными особенностями. Впрочем, справедливости ради, стоит сказать, что указанная проблема достаточно сложна и не имеет простого и однозначного решения, а анализ работ конкретных авторов зачастую требует индивидуального подхода с учетом их биографии, того, какое образование они получили, в каких научных объединениях участвовали, с какими исследователями наиболее тесно сотрудничали и т.д.

Подводя итоги, следует сказать, что, несмотря на все указанные замечания, работа П.Г. Носачева представляет собой в высшей мере интересное, оригинальное исследование, которое, вне всякого сомнения, обязательно должно занять свое место на книжной полке любого специалиста по академическому изучению эзотеризма. Хотя с автором работы далеко не во всем можно согласиться, то, что книга заставляет читателя задуматься и порождает дискуссию, является ее достоинством и свидетельствует об актуальности поднятой темы. Остается надеяться, что дискуссия по проблемам, которым посвящена работа, будет продолжена на конференциях, круглых столах, в научных статьях и будет способствовать более глубокому пониманию истории академического изучения западного эзотеризма.

С.А. Панин

Рецензия на: *Першин Ю.Ю., Ахмадишина В.И. Архаическое сознание и религиозность человека: очерки по археологии религии.* Омск: Социокосмос, 2012. 469 с.

Поскольку археология является динамично развивающейся дисциплиной, привлекающей в исследования древнего мира массу других наук, работы в этой сфере имеют свойство сравнительно

быстро устаревать. Успехи археологии каменного века на рубеже XX-XXI вв. дали массу нового материала о ранних формах религии, философско-религиоведческий анализ которых открыл бы новые области для исследований и дискуссий в религиоведении. Таким рецензируемый труд мог бы стать.

Тем не менее, данная работа представляет собой, прежде всего, философское исследование религиозности человека, предпринимающее, в то же время, попытку описать принципы архаического сознания. Авторами был обработан большой объем литературы, текст содержит достаточно подробное изложение теорий и дискуссий, составляющих теоретическую базу религиоведения в вопросе об архаических верованиях и культах. В этом заключается неоспоримое достоинство опубликованного труда, при этом он содержит несколько существенных недостатков.

Первая глава содержит пересказ дискуссий эпохи Тайлора и Фрэзера о первобытной религиозности, историко-философское описание проблемы определения религии, этимологии понятия «религия», теорий возникновения религии и небольшой параграф о современных теориях. Основная масса использованных трудов написана в период 1860 – 1930 гг., что было бы неплохо, если бы это было просто историческим введением в исследуемую тему. Внебольшом обзоре современных теорий, связь которых с археологией порой имеет дискуссионный характер, авторы совершенно справедливо замечают, что «ученые второй половины XX – XXI века не воспринимают, подобно исследователям XIX века, современные нам племена охотников и собирателей как представителей сохранившейся до наших дней первобытной эпохи» (с. 109), но причины этого обстоятельства никак не раскрываются и не осмысливаются, а это чрезвычайно важно. Остается непонятным, почему авторы уделяют так много внимания старым теориям и так мало новым. Создается впечатление, что характерное для философии медленное устаревание концепций (философия XVIII – XX столетий остается относительно актуальной) распространяется авторами и на историческую науку, на археологию, где ситуация совершенно иная – всерьез рассматривать старые концепции, где понятия археологического и этнографического материалов являются почти

синонимами, там просто непозволительно. Даже когда С.А. Токарев впервые опубликовал свои «Ранние формы религии», археология каменного века переживала детский период своего развития, не говоря уже об эпохе Тайлора и Фрэзера. Однако, авторы претендуют на то, что их «археология религии» – не историческая, а некая философская археология, подразумевающая поиск основополагающих принципов, ключей к архаическому сознанию (с. 344). Что же, посмотрим, каким историческим периодом исследуемое архаическое сознание будет датироваться и как это будет соотноситься с ранними формами религии.

Вторая глава, тем не менее, посвящена археологии вполне научной, только начинается она с избранных страниц истории археологии и там, где можно было бы перейти к современности, авторы переходят к интерпретации человека и его деятельности, то есть философско-методологическим сторонам археологии. Содержательный анализ, посвященный представлениям о магии, начинается с Токарева, переходит на Фрэзера и Малиновского, и завершается Н.В. Клягиным и К.Э. Шенноном, а также некоторыми другими авторами, которые все же дают краткий обзор археологических находок эпохи палеолита. Можно спорить о том, насколько там можно говорить о магии или о религии, особенно в свете актуального до недавних пор представления, что религия появилась после земледелия, то есть с переходом человечества к оседлому образу жизни. В то же время описаны больше не вещественные находки, а теории о том, как у гоминид могли появиться зачатки магико-религиозной деятельности. В любом случае отражение этой важнейшей темы в масштабах всего труда слишком короткое (с. 154-157). Далее текст вновь возвращает нас в этнографические исследования и рассуждения о том, происходит ли религия из магии или наоборот, а также как они соотносятся с наукой.

В двух оставшихся главах (всего их четыре) авторы проводят свое философское исследование оснований человеческой религиозности и принципов архаического сознания. Его хотелось бы охарактеризовать не по содержанию, а по основным привлекаемым источникам и рассматриваемым историческим эпохам. Авторы обращаются к Шелеру, Фрейдю, тем сторонам

их учений, которые не привязаны к конкретным историческим периодам, рассматривающим становление человека в целом. Затем обращаются к древнегреческим авторам, выражению божественного и религиозного у них, архаическому времени и пространству. Создается впечатление, что выбранные проводники в архаическое сознание смогли показать его лишь абстрактно и совсем не в период зарождения явных ранних религиозных форм.

В заключение нужно сказать, что проблема недостаточного обращения к новейшим трудам по археологии присутствует не только в данном конкретном труде, она характерна для религиозоведческих и философских исследований в целом, как на постсоветском пространстве, так и в западном религиозоведении, где напрямую связанные с археологией ранних исторических периодов вопросы редко становятся темой специализации. В свете этого затрагивание проблем археологии религии и комплексный подход к ним, использованный в рецензируемой работе, а также подробное и корректное изложение большого числа теорий, созданных в определенный период времени, можно отметить лишь с положительной стороны. Однако работа больше подойдет для тех, кто интересуется историей исследования основ человеческой религиозности и ранних форм религии, и достаточно поверхностно освещает современный взгляд на эти вопросы.

А.И. Тюрин

Рецензия на: *Резван М. Е. Коран в системе мусульманских магических практик.* СПб.: Наука, 2011. 220 с., ил.

Данное исследование, принадлежащее перу Марии Ефимовны Резван (кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии Центральной Азии МАЭ РАН), посвящено раскрытию одной из актуальных и малоизученных проблем современного религиозоведения – использованию Корана в мусульманских магических (преимущественно гадательных) практиках, а также проливает свет на фундаментальные вопросы, касающиеся функций священного текста в культуре. Автор концептуализирует понятие мусульманской магии, проводит ее демаркацию с другими историческими видами магии (в частности, с доисламской магией